

ГЭЛЕН ФОУЛИ

МОЙ НЕОТРАЗИМЫЙ
ГРАФ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф81

Серия «мини-Шарм» основана в 1994 году

Gaelen Foley
MY IRRESISTIBLE EARL

Перевод с английского *Е.В. Моисеевой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Фоули, Гэлен.

Ф81 Мой неотразимый граф : [роман] / Гэлен Фоули ; [пер. с англ. Е.В. Моисеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-091858-4

Жизнь тайного агента трудна, а порой чревата реальными опасностями. И испытания, через которые пришлось пройти графу Фальконриджу во имя короны, были нешуточными.

А все началось с того, что ему пришлось пожертвовать счастьем и отказаться от обожаемой невесты — красавицы Мары Брайс. Но вот спустя несколько лет судьба смилостивилась и преподнесла графу новую встречу с овдовевшей Марой. И стоило их страсти вспыхнуть с новой силой, как опасная профессия опять разлучила влюбленных.

Поймет ли его Мара? Согласится ли связать судьбу с человеком, который никогда не раскроет всех своих секретов?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Gaelen Foley, 2011
© Перевод. Е.В. Моисеева, 2012
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-091858-4

Пролог Тропой судьбы

Англия, 1804 год

Принадлежать к древнему тайному ордену, цель которого борьба со злом, — судьба не для слабых духом.

Джордан Леннокс, двадцатидвухлетний граф Фальконридж, только что закончил многолетнее суровое обучение в военной школе в отдаленном районе Шотландии.

Там вместе с товарищами по оружию лорд Фальконридж овладел множеством боевых навыков: с помощью веревок и блоков научился взбираться по отвесным скалам, переплывал Ла-Манш, мог изготовить взрывчатку из соли, перца и других подручных средств. Джордан говорил на шести языках, умел вести судно по звездам, с завязанными глазами попадал из гладкоствольного ружья в глаз быку с пятидесяти ярдов. Такие требования предъявлялись к любому рыцарю ордена, который готовился получить свое первое задание.

Однако Джордан, более осторожный и рассудительный, чем его ретивые товарищи, уже принял для себя важное решение — он не допустит, чтобы уготованная ему двойная жизнь разрушила его душу. Годами наблюдая за своим мрачным наставником Вирджилом, он поклялся, что его собственная судьба сложится иначе. Очень многие из опытных агентов имели тот же зловещий вид — циничный до горечи и неумолимый.

Однако стоит ли на крови клясться ордену, что будешь любой ценой защищать королевство и всех, кого любишь,

если сердце превратится в мертвый, иссохший кусок дерева? А потому Джордан решил, что, куда бы ни привело его будущее задание, оно не станет единственной целью его жизни.

Выход, решил Джордан, в том, чтобы не терять связи с обычными людьми и нормальной жизнью, пусть даже эта жизнь представляется мелкой и обыденной по сравнению с той тайной войной, которую он и его товарищи поклялись вести во имя высоких целей.

Макс и Роэн с презрением относились к суетным представителям света, но Джордан, имея чудесных родителей, братьев, сестер, многочисленных кузин и кузенов, находил радость в повседневных занятиях. Участие в светских делах помогало ему не терять душевное равновесие. Вот почему он принял приглашение в один загородный дом.

Наполеон наводил ужас на континенте, поэтому каждый агент был на счету, особенно из тех, кто занимал высокое положение и имел доступ в сферы, где принимаются важные решения. Но до этого пока не дошло.

Сейчас Джордана ждали пикники, игры на свежем воздухе, сбор клубники в обществе юных леди, кадрили с дебютантками, возможно, представление в домашнем театре загородного дома.

Джордана радовала возможность на время притвориться, что он ничем не отличается от окружающих его повес и денди, разве что уже успел унаследовать титул. И он даже намеревался позволить другим молодым людям одерживать победы во всякого рода спортивных состязаниях, но оказался совсем не готов встретить Мару Брайс...

Глава 1

*Через двенадцать лет
Лондон*

— На тебя пялится какой-то потрясающий незнакомец, — прошипела, не разжимая губ, Дилайла. Две элегантные молодые вдовы сидели среди роскошно одетой публики в боль-

шом зале аукциона «Кристиз» на Пэлл-Мэлл. — Ммм... Как хорош! Светловолосый. А взгляд просто горит. Одет безукоризненно. Ну посмотри же! Иначе я заберу его себе.

— Ш-ш-ш... Не мешай. — Мара, леди Пирсон, не обратила внимания на слова своей легкомысленной подруги. Ее внимание сосредоточилось на ведущем, который, стоя на подиуме перед публикой, с профессиональной ловкостью вел торги за картину старого мастера.

— Семьсот пятьдесят. Может быть, я получу восемьсот фунтов? Восемьсот пятьдесят? Отлично!

— Дорогая, разве тебе нужна еще одна картина? — с насмешкой поинтересовалась Дилайла. — Я давно говорю, что на самом деле тебе нужен любовник.

— Уверяю тебя, ничего подобного мне не нужно.

— Ханжа!

Мара фыркнула — вопрос поднимался уже не в первый раз.

— Самовлюбленный тип, который станет мной командовать? Нет уж, благодарю. Я только что избавилась от такого.

— Любовник, моя милая, совсем не то, что муж.

— Тебе виднее.

Вотместку за обидное замечание Дилайла стиснула руку подруги. Мара бросила на нее насмешливый взгляд, потом снова перевела взгляд на ведущего, но все же ответила:

— Уверяю тебя, дорогая, я прекрасно могу обойтись без мужчины. Мне почти тридцать лет, и я только-только устроила свою жизнь по собственному желанию. Зачем же мне позволять какому-то чужаку снова ее разрушить?

— Признаю, это серьезное возражение. Но знаешь, милочка, самцы тоже могут пригодиться. Смею утверждать, что со временем ты это поймешь.

— Сомневаюсь. У меня нет склонности к подобным вещам. — И она бросила на подругу довольно циничный взгляд.

Дилайла ответила ей сочувственной улыбкой.

— Тем больше причин найти мужчину, который знает, как удовлетворить женщину.

— Неужели такие бывают? — пробормотала Мара, продолжая наблюдать за торгами.

— Разумеется! Можешь на время одолжить Коула. Впрочем, нет! Тогда мне придется выцарапать тебе глаза.

Мара тихонько засмеялась.

— Успокойся. С моей стороны Коулу ничто не грозит. Единственному мужчине, до которого мне есть сейчас дело, всего два года.

— Пока так, но знай: теперь, когда закончился траур, любой мужчина сочтет тебя своей законной добычей.

Мара пожала плечами и обвела тревожным взглядом аукционный зал, выискивая конкурентов в торговле за картину.

— И напрасно потеряет время, — ответила она подруге.

— Итак — девятьсот! — провозгласил аукционист.

Мара быстро подняла табличку со своим номером. Дилайла вздохнула с притворной скукой.

— Ну зачем ты швыряешь деньги на ветер? К чему тебе этот мрачный портрет жены какого-то голландского торговца? Она же страшна как смертный грех. И нос картошкой.

— В искусстве важна не только внешняя красота. Кроме того, я покупаю картину не для себя. — Мара скроила недовольную мину, услышав, как аукционист еще раз поднял цену:

— Тысяча фунтов!

— Тогда для кого? — удивленно спросила Дилайла.

— Для Джорджа, — прошептала Мара и снова подняла свою табличку.

— Для Джорджа?

— Итак, господа и дамы, кто больше? Кто предложит одиннадцать сотен? — с напором продолжал аукционист.

— Кто такой Джордж? — с жадным любопытством произнесла Дилайла.

Мара ответила ей многозначительным взглядом. Глаза Дилайлы расширились от восторга. Скандальная новость привела ее в крайнее возбуждение.

— О, у тебя роман с принцем! Я знала, что ты... Но, милочка, он же такой толстый! С другой стороны, он станет королем. Не упusti своего! Он в тебя влюблен? О Боже! У тебя будут бриллианты величиной с кулак!

— Дилайла!

— И как он в постели? — Она злобно хихикнула. — Уверена, что ужасен. Но не хуже других великих мира сего. Интересно... а король Франции Людовик, как он? Он ведь тоже жирный да к тому же старый. Но по крайней мере он не похож на карлика-Наполеона. — И веселая вдова разразилась дьявольским хохотом.

— Дилайла, ради Бога, говори тише! — сдерживая смех, зашептала Мара. — И послушай меня, глупая женщина. У меня нет романа с регентом. Мы друзья. Слышишь, друзья!

— Ммм...

— Как тебе известно, его королевское высочество крестный отец моего сына. И все.

— Расскажи об этом в свете, милочка. — Дилайла сложила на груди руки и понимающе покачала головой. — Твои визиты в Карлтон-Хаус вызывают массу толков.

Мара вздохнула. Сплетни уже дошли до ее ушей. Сколько злобы в мире! Ну почему люди всегда предполагают самое худшее?

— Одиннадцать сотен! — выкрикнул аукционист. — Кто-то сказал «двенадцать»? — Он обвел зал внимательным взглядом. — Одиннадцать сотен пятьдесят?

Мара закусила губу, подняла табличку и оглядела публику.

— Думаю, я купила...

— Продано! — провозгласил аукционист. — Этой очаровательной леди. — Он почтительно поклонился Маре и со стуком опустил свой молоток.

— Вот и отлично! — Мара с удовлетворенным видом обернулась к подруге, которая смотрела на нее с нескрываемым изумлением.

— Одиннадцать сотен? Милочка, да я за такие деньги обставила весь свой летний дом в Брайтоне! Разве ты стала бы тратить на регента такую огромную сумму, не будь он твоим милым другом, а?

— Стала бы, — спокойно объяснила ей Мара. — Он коллекционер, а Герард Доу — его последнее увлечение. А мне... — Мара вдруг замолчала, не зная, стоит ли говорить дальше.

— Так что же? — Дилайла придвинулась ближе.

— А мне... стало известно, что скоро объявят о некоем счастливом событии в королевской семье. Теперь ты видишь, какая я расчетливая? — с иронией спросила она. — Я уже выбрала подарок, а вы все будете метаться, когда грандиозная новость станет известна.

— Какая новость? — Дилайла схватила подругу за руку. — Неужели ему позволят наконец развестись? Только представь себе, ты сможешь тогда...

— Да нет же! Все, мой рот на замке.

Мару позабавил разочарованный вид подруги.

— Неужели ты мне больше ничего не скажешь? — обиженным тоном воскликнула Дилайла.

— Не скажу, дорогая моя. Иначе меня бросят в Тауэр.

— Так тебе и надо.

— Я просто не смею. Это не моя тайна. Но скоро ты все узнаешь. Об этом объявят на неделе.

— Ах ты, негодница!

— Еще вопрос, кто здесь негодница. Так где, говоришь, этот потрясающий тип, о котором ты твердила? И как ты его называла? Безукоризненный, горящий? Любопытно посмотреть...

— Я думала, тебя не интересуют мужчины.

— Ну, посмотреть все-таки можно.

Дилайла огляделась. Мара проследила за ее взглядом.

— О, кажется, он ушел. Его нигде не видно. — И Дилайла ткнула подругу локтем в бок. — Но ты ведь сказала бы мне, если бы спала с регентом, правда?

— Тебе-то, сплетнице, каких свет не видывал? Ни за что! — с улыбкой ответила Мара.

— Но, милочка, ты за это меня и любишь!

— Согласна. Но дело в том, что мне нечего рассказывать. Его королевское высочество крестный моего сына и мой друг.

— Твой друг...

— Ну конечно. С тех пор как умер муж, он был очень внимателен к Томасу и ко мне.

— Почему бы это? — несколько сухо поинтересовалась Дилайла.

— Ну ты же знаешь: он женат, — заметила Мара и неопределенно пожала плечами.

Дилайла фыркнула.

— Что ты имеешь в виду?

— Да как же! Всем известно, что принц предпочитает женщин постарше. А ко мне он проявляет доброту, и все. — И мысленно добавила: «А я испытываю к нему благодарность, которой ты не поймешь». — Ну что я еще могу добавить? Его судьба мне небезразлична.

— Все это очень мило, дорогая, но в Англии едва ли найдется еще один человек, который испытывает к нему такие же чувства.

— Мне нет дела до того, что о нем болтают. Я восхищаюсь нашим принцем. У него душа художника.

— Точно. Именно этого стране сейчас и не хватает, — ехидно отозвалась Дилайла. — Ну что, можно уходить? Здесь так душно и пахнет как у моей бабушки на чердаке.

— А мне нравится. Я сделала что хотела. Теперь мне надо как можно скорее попасть домой, к Томасу. Вчера у него был небольшой насморк. Я беспокоюсь.

— Насморк! Подумаешь, какой ужас. И сколько же врачей толпилось вчера у вас в доме, чтобы лечить нашего маленького виконта?

— Дилайла Стонтон, ты ничего не знаешь о детях.

— Знаю. Во всяком случае, достаточно, чтобы держаться от них подальше, — парировала подруга.

Мара ответила ей сердитым взглядом, а Дилайла весело рассмеялась.

— Идем же. Я пошлю за нашими экипажами, а ты распорядись насчет доставки этой твоей картины.

Мара кивнула, обе дамы поднялись со своих мест и, придерживая юбки, принялись осторожно пробираться между рядами посетителей. У Мары не выходила из головы сплетня о том, что в обществе ее считают новым увлечением регента. Дело требовало деликатности. Ей не хотелось оскорблять будущего короля, а потому нельзя было со всей решительностью опровергать слухи, чтобы не возникло впечатления, будто сама мысль об их связи глубоко ей

противна. Ни за что на свете не станет она ранить чувства крайне впечатлительного принца. Джордж так остро ощущает свои внешние недостатки, так раним и обидчив...

Мара и сама росла в непростых условиях. Метод воспитания, который применяли ее родители, сводился к постоянной критике и преуменьшению достижений ребенка. Поэтому она знала, как тяжело жить, испытывая вечную неудовлетворенность и неуверенность в себе. Непрерывные нападки и сомнения в ценности собственной личности воспитывали человека, который ждал от жизни одних лишь неудач, даже если старался преуспеть изо всех сил. Вот почему Мара сочувствовала бедному регенту. У него никогда не было шансов оправдать грандиозные ожидания его отца, короля, не говоря уж об ожиданиях подданных. Те желали видеть Веллингтона в теле Адониса, а получили ненадежного, рыхлого дилетанта, который к тому же быстро превратился в невротика.

Бремя на плечах регента оказалось слишком тяжелым, а он был не из тех, кто способен нести такую ношу. Мара чувствовала: Джорджу нужны друзья, истинные друзья, а не скопище двуличных пресмыкающихся, которые его окружали. И в благодарность за то, что он сделал для нее и сына, она была готова поддержать его, даже если такая поддержка повредит ее репутации. Да и какое это может иметь значение? Она больше не семнадцатилетняя девушка, на которую давят чужие мнения и авторитеты. Ей не надо угождать всем подряд.

В сложившейся ситуации, решила Мара, благоразумнее будет смеяться над слухами и опровергать их, но не очень настойчиво, чтобы не задеть самолюбие его королевского высочества. В конце концов, дружба с монархом всегда влечет за собой определенные сложности. Если сам красавчик Браммел лишился королевского покровительства из-за одной слишком соленой шутки, значит, это может случиться с каждым. Пусть в последнее время принц-регент не слишком популярен, у него достаточно власти, чтобы любого превратить в светский труп. К тому же, уверяла себя Мара, принц вовсе не врется уложить ее в постель. Пожалуй, он

сделал несколько намеков, но весьма невинных. Все это был лишь легкий флирт. Она боялась даже думать, что принц может иметь в виду нечто серьезное. Нет, его королевское высочество просто получал удовольствие от ее общества. О своем покойном муже Мара такого сказать не могла.

Кроме того, слухи о ее связи с регентом чудодейственным образом отпугивали от молодой вдовы прочих распутных искателей удовольствий из аристократической среды, которые не смели ступить на территорию, принадлежавшую, по их мнению, принцу.

Дилайла права. Вдовы, хотя бы отчасти сохранившие юность и красоту, становятся самой желанной добычей светских охотников. Множество высокородных соблазнительей находят подобную охоту вполне допустимой и приличной. Было время, когда Мара наслаждалась бы таким обильным вниманием мужчин, но оно давно прошло. Ее краткая карьера юной кокетки канула в Лету. Теперь у нее другие цели. Она больше не юная нервная дебютантка, которой срочно нужен муж, любой муж, — лишь бы покинуть безрадостный родительский дом. Ныне она свободная женщина, которой пришлось бороться за свои права. Рождение сына два года назад полностью изменило ее жизнь. Ради него Мара была готова стать сильной.

Наконец подруги добрались до прохода вдоль стены и двинулись в заднюю часть аукционного зала, где свободно прогуливались зрители; кто-то входил, кто-то выходил. Дилайла то и дело кивала знакомым, а взгляд Мары, которая шла следом, не отрывался от капель дождя на стеклах высоких арочных окон в противоположной стене.

Тусклый мартовский свет очень мало способствовал ожидаемому эффекту от красоты шедевров, так бесцеремонно выставленных на продажу. Вся стена была увешана дюжинами картин маслом, акварелями, рисунками всех форм и размеров.

Мара невольно подумала, что на протяжении веков большинство работ старых мастеров много раз меняли владельцев, но так и не обрели своего истинного дома. Было что-то тоскливое в висевших здесь полотнах. Казалось, картины

ждут, что явится некто способный оценить их утонченную красоту, а не просто сделать покупку, чтобы вызвать зависть в других или удовлетворить собственное тщеславие.

Мара вспомнила приписываемого ей любовника и улыбнулась. Регент наверняка купил бы их все, если бы страна не возмущалась его непомерными тратами.

Взгляд Мары скользнул к длинным столам, где ожидали своей очереди на аукцион статуи, вазы, драгоценности, старинные книги и несколько древних, подсвеченных лампами манускриптов.

Внезапно ее взгляд встретился со взглядом мужчины в нескольких ярдах от нее. Мара застыла на месте. Узнавание сразило ее как гром небесный. Она узнала его тотчас, хотя не видела много лет.

Потрясающий, безупречный, с горящим взглядом... Да, Дилайла ничего не забыла.

Джордан?.. Джордан Леннокс?

Мужчина смотрел на нее не отрываясь, но так и не улыбнулся.

Но как... Боже, что он здесь делает? Мара тоже не отвела глаза, но в сердце возникла острая боль.

Дилайла ушла вперед, не заметив, что подруга отстала, а Мара все никак не могла справиться с волнением. Разумеется, рассудком она понимала, что рано или поздно встреча произойдет, но, увидев его у стены аукционного зала «Кристиз», оказалась к этому совсем не готова.

Джордан, прищурившись, наблюдал за ней.

Мара наконец овладела собой, хотя во рту у нее пересохло, а сердце колотилось как сумасшедшее. Придется снова ступить в этот поток боли и безутешного разочарования — путь к выходу лежал рядом с ним. Другой дороги из зала не было, разве что сквозь толпу в противоположном конце помещения, но Мара не доставит негодю этого удовольствия. «Он ведь может не заговорить со мной. В конце концов, я для него почти ничего не значу. Все было так давно. Вероятно, он меня совсем не помнит».

Поздно делать вид, что не заметила бывшего кавалера, которого по наивности считала истинной любовью, а пото-

му Мара выпрямила спину, расправила плечи и, вздернув подбородок, шагнула вперед, но под холодным, неотступным взглядом графа вдруг почувствовала себя голой. Судя по всему, встреча была ему так же неприятна, как и ей.

Не выказывая никакого смущения, Мара взглянула в его синие глаза. Ей почудилось, что со времени их последней встречи их взгляд стал еще пронизательнее, мудрее, но никак не добрее. Джордан был по-прежнему возмутительно хорош собой — аскетичное лицо викинга состояло из одних плоскостей и углов. Но счастливым он не выглядел.

«Вот и отлично», — со злостью подумала Мара. Раз ей пришлось столько выстрадать после расставания с ним, пусть и его участь окажется не слаще. Если бы Джордан не бросил ее, ей не досталось бы девять невыносимых лет брака. Если бы, если бы... Если бы он действительно был таким же, как все молодые люди, которые добивались ее руки!

Но, конечно, он был другим. Рядом с ним остальные казались пустыми и мелкими. В каком-то смысле он был злее, жестче, чем ее грубиян муж. Том был дубинкой, а Джордан — скальпелем.

— Мара. — Джордан снизошел до вежливого кивка, когда она оказалась прямо перед ним. Толпа подтолкнула ее к нему. А она-то надеялась, что никогда больше не окажется так близко к этому человеку! Звук ее имени у него на губах поверг Мару в гнев. «Да как он посмел заговорить со мной?!»

— Лорд Фальконридж, — ледяным тоном отозвалась она и собиралась пройти мимо, не замедляя шага.

Однако Джордан снова заговорил с ней, заговорил так, словно не смог сдержаться. Слова прозвучали вежливо, но несколько вызывающе:

— Примите поздравления с отличным Герардом Доу.

Мара настороженно молчала. Он окинул ее фигуру грубовато-одобрительным взглядом и добавил:

— Вы прекрасно выглядите.

О Боже! Такая дерзкая похвала от лорда Сама Святость поразила ее. В юности он всегда был — или притворился —

воплощением всех рыцарских добродетелей. Возможно, сейчас он изменился, оставил свое рыцарство. Отлично. В мире и так достаточно лицемеров.

— Благодарю, — коротко отозвалась Мара и собралась отойти, но он снова остановил ее следующей фразой. Казалось, она сорвалась с его губ против воли хозяина.

— Не знал, что вы коллекционируете предметы искусства. «Ты очень многого не знаешь обо мне, болван».

— Я не интересуюсь коллекционированием, милорд. Прощайте.

— Мара...

— Леди Пирсон, — с упреком в голосе поправила его Мара, но и она не смогла удержаться, оглянулась на звук его голоса и, сложив на груди руки, окинула его таким же пристально-откровенным взглядом, какой он только что бросил на ее фигуру.

Джордан был по-прежнему очень хорош собой. Это наблюдение не принесло покоя в ее душу. Более того, Мара, к собственному неудовольствию, заметила, что негодяй выглядит даже лучше, чем двенадцать лет назад. Сколько ему сейчас? Тридцать четыре?

Годы закалили миловидного золотоволосого юнца, превратив в неотразимого мужчину. Фигура и лицо Джордана были все так же резко очерчены. Песочного цвета волосы коротко подстрижены. Ученическая строгость одежды исчезла, уступив место раскованной элегантности. И это не удивительно, раздраженно подумала Мара, — он полжизни проболтался по европейским столицам. Вот он стоит, прислонившись к дубовой панели, небрежно вертит в руках карманные часы. На нем редингот бутылочного цвета. Модный узел белого галстука подпирает стоячий воротничок, на жилете — рисунок сеточкой. Табачного цвета бриджи заправлены в черные высокие сапоги с отворотами из буйволовой кожи.

«Вот он, твой Джордан, — подумала Мара с болью, которая так и не умерла за все эти годы. — Ничего особенного. Очень сдержанный, воспитанный джентльмен. Сама стро-

гость и безупречность. Воплощение холодного, бесстрастного совершенства».

Много лет назад Мара слышала, что кто-то из друзей назвал его «Фалькон» — ястреб, явно сократив родовое имя Фальконридж. Прозвище очень ему подходило. Яростный, прекрасный, одинокий хищник, парящий в небе и недосыгаемый, он смотрит на всех свысока, и только ветру известны его намерения.

Джордан всегда ее завораживал. Даже сейчас, с грустью призналась себе Мара, она чувствует тягу к нему. В глубине ее женского естества возникает страстное, неконтролируемое желание завершить то, что так и не случилось много лет назад.

А Джордан все наблюдал за ней с привычной отстраненностью ястреба. Он стоял совсем рядом, но, казалось, был бесконечно далек. Его острый взгляд заставлял Мару думать, будто он видит ее насквозь, но сам Джордан оставался для нее неразгаданной тайной.

Хорошо, что теперь, став вдовой, она получила хотя бы тень той свободы, которой всю жизнь, будучи женщиной, пользовался Джордан: деньги, время, возможность ни перед кем не отчитываться — всего у него было сполна. Возможно, именно в этом одна из причин их расставания. В то время ей казалось: она понимает его, понимает, что главное для него — семья и друзья, все те связи, которые делают жизнь спокойной и приятной. Однако, к ее изумлению, Джордан превратился в бездомного скитальца.

Хотя какое это имеет значение? Их отношения мертвы, как мертв теперь ее муж Том.

Мара все собиралась уйти, но, словно пленница в тенетах его взгляда, никак не могла найти в себе сил отвернуться от Джордана.

— Вернулись с континента? — холодно спросила она, но в голосе невольно прозвучала завистливая нотка. — Или же вы, милорд, просто решили осчастливить Англию своим визитом?

Джордан в очередной раз спрятал часы. Казалось, ее враждебный тон позабавил его.